

Сперанский Николай Васильевич

Ведьмы и ведовство

**Очерк по истории церкви и школы в
Западной Европе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н63

Н63 **Николай Васильевич С.**
Ведьмы и ведовство: Очерк по истории церкви и школы в Западной Европе / Сперанский
Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 201 с.

ISBN 978-5-519-75112-4

Религия -- Христианство -- Католицизм -- Организация католической церкви -- Правовое
положение католической церкви. Каноническое право -- Инквизиция -- Инквизиционный
процесс -- Ведовские процессы

ISBN 978-5-519-75112-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

очищеніи земли отъ тѣхъ, кто призывалъ ихъ имя, и въ положенный срокъ уносили своихъ поклонниковъ въ преисподнюю, которая теперь смѣняется или по крайней мѣрѣ предваряется психіатрической больницей.

Но разъ вниманіе широкихъ круговъ читающей публики снова привлечено къ тѣмъ вѣдьямъ, которыми бредило западно-европейское человѣчество не далѣе какъ два съ половиной вѣка тому назадъ, разъ чудовищныя исторіи, рассказанныя на страницахъ «Молота Вѣдьмъ», снова ей сообщаются и въ прозаической и въ стихотворной формѣ, то можно вполне законно воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы предложить ей познакомиться и съ результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по этому вопросу.

Спѣшу однако оговориться. Какъ ни ярко освѣщаетъ подобное знакомство умственную и нравственную фпзіономію современныхъ любителей демонологической литературы, но вовсе не въ этомъ заключается его серьезная, его истинная цѣнность. Тотъ мрачный эпизодъ культурной исторіи Европы, который такъ неразрывно связанъ съ зловѣщими именами Шпрепгера, Бодена и Дельріо, дѣйствительно гораздо менѣе извѣстенъ внѣ тѣсныхъ ученыхъ сферъ, чѣмъ онъ того заслуживаетъ по внутреннему своему значенію. И любопытно замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простой случайностью. Какъ ни парадоксально можетъ это прозвучать, но если въ общихъ изложеніяхъ хода культурнаго развитія Европы почти никогда не оказывается мѣста для рассказа объ ужасныхъ процессахъ вѣдьмъ, являющихся самымъ грязнымъ, самымъ смраднымъ пятномъ на всей европейской цивилизаціи, то виновато въ этомъ то самое обстоятельство, которое, съ другой стороны, и придаетъ имъ особенно глубокий научный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какую эпоху своего существованія европейское общество всего острѣе бредило дьяволомъ и вѣдьмами и всего больше трепетало передъ этими заклятыми врагами христіанскаго имени? Миѣ кажется, я не ошибусь, если предположу, что большинство образованныхъ людей, не обладающихъ въ исторіи профессиональными познаніями, почти не колеблясь отвѣтитъ на такой вопросъ: конечно, въ средніе вѣка. И между тѣмъ отвѣтъ этотъ далекъ отъ истины. Съ дьяволомъ средніе вѣка, положимъ, были всегда знакомы очень близко. Но «гнусное сообщество вѣдьмъ» съ ихъ шабашами и черной мессой глубинѣ среднихъ вѣковъ совсѣмъ еще не было извѣстно. Оно открыто было только подъ самый ихъ конецъ, на порогѣ новаго времени, и наиболѣе свѣдущіе въ дѣлѣ люди, тѣ самые монахи, которые въ XV столѣтіи впервые изобличили вѣдьмъ, сами свидѣтельствовали, что ранѣе хри-

стіанскій міръ никогда не видывалъ подобныхъ ужасовъ. Они вполне опредѣленно утверждали, что вѣдьмы явились и размножились уже на ихъ глазахъ, и въ этой повой язвѣ на «глубоко состарѣвшемся мірѣ» они усматривали цѣлостный признакъ близившагося пришествія антихриста.

Итакъ, самое дикое, самое нелѣпое изъ всѣхъ извѣстныхъ суевѣрій, на ряду съ которымъ этнографы находятъ возможнымъ ставить развѣ лишь нѣкоторыя повѣрья негровъ центральной Африки, заволопило воображеніе культурныхъ европейскихъ народовъ вовсе не въ самое худшее ихъ время. Умственно темныя ихъ поколѣнія понятія не имѣли о томъ, что представляетъ собою истинное «вѣдовство». «Открытіе» вѣдьмъ относится къ эпохѣ, законно окрещенной—конечно, не за это—громкимъ именемъ «Эпохи Великихъ Открытій». Первые костры, зажженные для кары «чортовыхъ жепъ», бросали свой кровавый отблескъ на небо, на которомъ запималась уже заря Возрожденія, и классическимъ періодомъ организованныхъ судебныхъ убійствъ, именовавшихся «процессами вѣдьмъ», являются вѣка, которые, вопреки мрачному пророчеству Шпренгера и другихъ его собратьевъ, принесли «состарѣвшемуся міру» не пришествіе антихриста, а небывалый расцвѣтъ духовнаго творчества—вѣка, которые въ исторіи совершенно законно характеризуются по такимъ ихъ чертамъ, какъ гуманизмъ, какъ реформація, какъ зарождепіе естественныхъ наукъ. И какъ не остановиться въ недоумѣніи передъ такою апттезой. Когда солнце ходило еще кругомъ земли, земля была чиста отъ вѣдьмъ, и старымъ жепщинамъ предоставлялось спокойно умирать у себя въ постели. Но среди дошедшихъ до насъ отъ Кеплера бумагъ сохранилась его записка въ судъ, гдѣ онъ отстаиваетъ свою старуху мать отъ обвиненія въ вѣдовствѣ, причемъ славный астрономъ ни однимъ словомъ не возражаетъ противъ возможности подобныхъ обвиненій. Что думалъ онъ объ этомъ въ самомъ дѣлѣ, мы этого не знаемъ. Но, какъ и всѣмъ его современникамъ, ему твердо было извѣстно, что, попробуй онъ поставить защиту на такую почву, и ему самому пришлось бы отправляться вмѣстѣ съ матерью въ застѣпокъ. «Кто говоритъ, что вѣдьмъ не существуетъ, того нельзя не заподозрѣвать самого въ принадлежности къ ихъ сообществу»—этимъ принципомъ руководились нѣмецкіе суды въ ту пору, когда Кеплеръ открывалъ свои знаменитые законы движенія свѣтилъ.

Эта поразительная «песвоевременность» процессовъ вѣдьмъ—если можно такъ выразиться—этотъ рѣзкій диссонансъ между ними и общимъ колоритомъ тѣхъ столѣтій, на которыхъ падаетъ мрачная ихъ тѣнь, и объясняетъ намъ ближайшимъ образомъ, почему обще-

историческіе труды о нихъ почти не упоминаютъ. Когда приходится рисовать широкія культурныя картины, гдѣ главными фигурами являются такія лица, какъ Колумбъ и Васко-де-Гама, какъ Гуттенбергъ, какъ Леонардо да-Винчи, Рафаэль и Микель Анджело, какъ Эразмъ и Гуттенъ, какъ Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ, какъ Коперникъ, Кеплеръ и Галилей, какъ Бэконъ и Шекспиръ, то на ихъ фонѣ, дѣйствительно, не сразу отыскивается мѣсто для передачи тѣхъ сценъ дикаго бреда, какимъ является борьба европейскаго общества съ «прислужницами дьявола». А раньше, въ тѣ эпохи, съ умственной жизнью которыхъ процессы вѣдьмъ могли бы, повидимому, свободно гармонировать, сама исторія не позволяетъ о нихъ распространяться, ибо тогда она еще дѣйствительно ничего подобнаго не знала. Но эта же «несвоевременность» процессовъ вѣдьмъ, какъ я уже замѣтилъ, и придасть имъ, съ другой стороны, чрезвычайный интересъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разрѣшается такая аномалія, которая становится еще загадочнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что и въ XV—XVII вѣкахъ процессы вѣдьмъ являлись принадлежностью лишь передовыхъ странъ христіанскаго міра: задержанный въ своемъ развитіи Востокъ Европы, Россія и Балканскія государства, и въ ту пору оставались свободны отъ этихъ ужасовъ. Что-жъ здѣсь такое передъ нами? Какая-нибудь особенно прихотливая игра историческихъ случайностей? Или тутъ есть своя закономерность, раскрытіе которой можетъ показать, что наши общія представленія о ходѣ «прогресса цивилизаціи» носятъ чрезвычайно упрощенный, прямолинейный, схематическій характеръ, и въ частности, что дѣло распространенія народнаго образованія въ Европѣ далеко не всегда сопровождалось лишь благотворными послѣдствіями для народа, что у него оказывается и своя черная пнапка?

Въ такой общей связи и будетъ проведенъ настоящій очеркъ¹⁾. Но, прежде чѣмъ приступить къ анализу явленія, я долженъ буду, въ силу указанныхъ уже мною условій²⁾, дать хотя сжатое опи-

¹⁾ Среди длиннаго ряда работъ по нашему предмету, вышедшихъ за послѣдніи 10—15 лѣтъ, особаго вниманія заслуживаютъ: Jansson-Pastor, *Geschichte des deutschen Volkes. Aelter Band* (1894 г.);—S. Riezler, *Geschichte der Hexenprozesse in Bayern* (1896 г.);—J. Baissac, *Les Grands Jours de la sorcellerie* (1900 г.);—J. Hansen, *Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter* (1900 г.) и того же автора *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter* (1901 г.). На эти труды и опирается главнымъ образомъ съ фактической своей стороны предлагаемый очеркъ.

²⁾ Существующая на русскомъ языкѣ популярная описательная работа г. Канторовича „Средневѣковыя (?) процессы о вѣдьмахъ“ давно уже не отвѣчаетъ положенію вопроса въ западно-европейской научной литературѣ.

саміе самых процессовъ вѣдьмъ, я долженъ буду сдѣлать хотя краткій пересказъ «этой безконечной драмы, исполненной сценами такихъ несказанныхъ, невыразимыхъ, безмѣрныхъ мукъ, терзаній и отчаянія со стороны гонимыхъ и такого суевѣрія, тупости и звѣрства со стороны гонителей, что съ этимъ по жестокости ничто не можетъ сравниться въ лѣтописяхъ европейскихъ націй».

Преслѣдованіемъ вѣдьмъ, смотря по времени и по странѣ, занимались различные органы судебной власти. Въ раннюю свою пору, въ XV столѣтіи, такого рода процессы велись почти исключительно предъ космополитическими трибуналами римской инквизиціи. Въ Италіи и въ Испаніи инквизиція сумѣла удержать ихъ за собой и до самаго конца. Что касается прочихъ странъ, то послѣ реформаціи не только въ протестантскихъ, но и въ оставшихся католическими государствахъ они почти вездѣ перешли въ руки свѣтскихъ судовъ, вѣдавшихъ уголовными дѣлами. Но разница эта въ данномъ случаѣ—что уже само по себѣ заслуживаетъ вниманія—не играетъ сколько-нибудь видной роли. Картины гоненія на вѣдьмъ сразу насъ поражаютъ и необыкновенно дикой игрой фантазіи, съ которой здѣсь приходится встрѣчаться, и необыкновенной своею монотонностью. Откуда бы ни шли относящіеся къ нимъ памятники, мы не находимъ на нихъ почти никакой мѣстной окраски. Въ церковныхъ и въ свѣтскихъ, въ католическихъ и въ протестантскихъ судахъ процессы вѣдьмъ протекали совершенно одинаковымъ порядкомъ и приводили къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Поэтому, чтобы составить себѣ вполнѣ достаточное понятіе объ этомъ поразительномъ эпизодѣ изъ области отправленія человѣческаго правосудія, довольно заглянуть въ уголовную хронику любой изъ западно-европейскихъ странъ. Удобнѣе всего намъ будетъ взять Германію, такъ какъ ея архивы даютъ тутъ и особенно богатый и, главное, прекрасно разработанный матеріалъ. Итакъ, посмотримъ, что представляли собой процессы вѣдьмъ въ Германіи въ ту пору, когда они являлись обыденной принадлежностью нѣмецкой жизни, т.-е. въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Общій судебный строй Германіи въ указанный періодъ, какъ это намъ необходимо слѣдуетъ замѣтить, характеризуется слѣдующими двумя существенными чертами. То было время, когда старшій устный и гласный судъ шеффеновъ, руководившійся въ своихъ приговорахъ непосредственно народнымъ правовымъ сознаніемъ, былъ окончательно вытѣсненъ новыми коронными судами, которые составлялись изъ ученыхъ юристовъ, обязанныхъ сообразоваться

исключительно съ формальнымъ, писаннымъ законодательствомъ, и не терпѣли никакого участія «необразованнаго» общества въ дѣлѣ отправления правосудія. И, съ другой стороны, то было время, когда центральная правительственная власть, не полагаясь на компетентность мѣстныхъ судебныхъ учреждений, особенно ревниво слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ, что выражалось въ широкомъ развитіи такъ называемой «пересылки актовъ». Въ крупныхъ процессахъ мѣстные суды по первому требованію сторонъ, иногда же и помимо него, обязаны были пересылать всѣ относящіяся къ дѣлу документы на заключеніе въ высшую инстанцію, которой являлись или особыя правительственныя «придворныя» коммиссіи, чаще же всего юридическіе факультеты при университетахъ. Дѣла о вѣдѣмахъ—на ряду съ дѣлами о ересьяхъ, объ оскорбленіи Величества, о государственной измѣнѣ, о разбояхъ на морѣ и на большихъ дорогахъ и о фальшивыхъ монетчикахъ,—причислялись къ разряду «особо важныхъ», и потому подобная «пересылка актовъ» при нихъ была почти что общимъ правиломъ. Указанныя высшія инстанціи съ крайней заботливостью слѣдили за процессами такого рода—фактъ, значеніе котораго для нашего вопроса, я думаю, можетъ считаться очевиднымъ.

Чего же требовалось по закону, чтобы дѣло о «вѣдовствѣ» могло начаться? На этотъ счетъ первые юридическіе авторитеты той эпохи давали судьямъ такія наставленія. Въ подобныхъ случаяхъ, говорили они, судъ при оцѣнкѣ приносимой ему жалобы и собранныхъ по ея поводу свидѣтельскихъ показаній отнюдь не долженъ искать вполне убѣдительныхъ доказательствъ вины оговореннаго лица: съ него должно быть довольно, если представленные ему факты не лишены правдоподобія. *Conjecturae, verisimilitudines in tali casu vim plenae probationis obtinent.* А гдѣ шла для той эпохи граница правдоподобія въ этой области, о томъ дають намъ точныя свѣдѣнія сохранившіеся во множествѣ протоколы судебныхъ слѣдствій по вѣдовскимъ дѣламъ. «Дурно ославленная старуха, поссорившись съ сосѣдомъ, посулила ему, что такъ ему это не пройдетъ, и у сосѣда вскорѣ налѣ скотина»—достаточный поводъ для возбужденія противъ старухи судебного преслѣдованія. «Двѣ дурно ославленные старухи послѣ сильнаго градобитія между собою толковали: Да это, можетъ, еще не послѣдній градъ; можетъ, будетъ и еще хуже»—слѣдователь считаетъ необходимымъ заключить старухъ въ тюрьму. «Оговоренная женщина дала одному мужику поѣсть пирога, и у того съ ея пирога заболѣлъ животъ. Другой мужикъ ея мѣшкомъ вздумалъ было подбить себѣ штаны—и вскорѣ повредилъ себѣ колѣнку. У третьяго послѣ ссоры съ ней

заболѣлъ воль» — стеченіе такого рода обстоятельствъ дѣлаетъ для суда виду болѣе чѣмъ правдоподобною. Примѣры эти взяты изъ сотенъ и представляютъ собой самые заурядные поводы къ началу вѣдовскихъ процессовъ.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы и въ тѣ времена всякій подобный оговоръ немедленно признавался достаточнымъ поводомъ для поднятія судебного дѣла. Въ спокойные годы, когда бредъ вѣдьями лишь тлѣлъ подъ пепломъ, суды нерѣдко оставляли такіа жалобы безъ всякаго вниманія, и въ хроникахъ намъ сохранились даже примѣры того, какъ власти вырывали изъ рукъ толпы несчастныхъ, падъ которыми она изъ-за подобныхъ подозрѣній готова уже была учинить варварскую расправу. Но стоило только страху предъ вѣдьями разъ вспыхнуть въ данной мѣстности сильнѣе, и тѣ же самые суды оказывались способны придавать полный вѣсъ такимъ же и даже еще менѣе осязательнымъ уликамъ. Въ качествѣ характернаго образчика я приведу исторію возникновенія одного очень крупнаго процесса, который на исходѣ XVI вѣка настолько прославилъ «юстицію» баварскаго округа Шонгау, что ея служители предлагали даже правительству увѣковѣчить память объ этомъ постановкой въ самомъ Шонгау или въ его окрестностяхъ высѣченпой изъ камня колонны.

У крѣпостнаго мужика штейнгаденскаго монастыря, лежавшаго въ сосѣдствѣ съ Шонгау, въ домѣ случилось сразу два несчастія — умеръ ребенокъ и тутъ же подохла свинья. Подозрѣвая, что вышло это не спроста, мужикъ пошелъ въ сосѣднее мѣстечко Кауфбейрентъ, чтобы посоветоваться съ тамошнимъ палачомъ. Надо замѣтить, что по всеобщему убѣжденію того времени никто не могъ такъ хорошо распознавать вѣдьмъ, какъ палачи, которымъ случилось неоднократно ихъ пытаться. Вернувшись послѣ разговора съ палачомъ домой, мужикъ подалъ въ судъ жалобу на одну изъ крестьянокъ, иѣкую Гейгеръ, обвиняя ее въ томъ, что это она своими чарами извела у него младенца и скотину. Судья арестовалъ было оговоренную женщину, но, напедши обвиненіе недостаточно доказаннымъ, вскорѣ опять отпустилъ ее на свободу, и послѣ этого двѣнадцать лѣтъ въ округѣ не было никакихъ толковъ о вѣдьяхъ. Но въ 1587-мъ году на ту же Гейгеръ была подана новая жалоба — на этотъ разъ со стороны мѣстнаго живодера, который обвинялъ ее, что она извела у него двухъ копей — и Гейгеръ снова была взята въ тюрьму. При этомъ судья впалъ въ колебаніе. Самъ онъ былъ склоненъ теперь начать процессъ, но очень вліятельное въ округѣ лицо, штейнгаденскій прелатъ, усиленно совѣтовалъ ему опять направить дѣло къ прекращенію. Тогда судья

«переслалъ акты» въ Мюнхенъ Придворному Совѣту и получилъ оттуда такое указаніе: «оговоренную женщину слѣдуетъ попытать, но не накрѣпко». Вопреки общему правилу подсудимая устояла противъ пытки и была снова выпущена на свободу. Но дѣло это взволновало всю округу, и отовсюду стали слышаться голоса, что если скотскіе падежи такъ донимаютъ народъ, то виновата въ этомъ «все болѣе и болѣе распространяющаяся ужасная и гнусная язва вѣдовства». Такъ какъ подобныя толки шли не прекращаясь, то въ дѣло вмѣшался, наконецъ, самъ герцогъ Фердинандъ, къ владѣніямъ котораго принадлежало Шонгау. По его приказанію въ 1589 году наряженъ былъ строжайшій сыскъ о вѣдмахъ—и вѣдмы отыскились въ великомъ множествѣ. Три года у суда въ Шонгау не было досуга для разбора всѣхъ прочихъ дѣлъ, и, наконецъ, больше шести десятковъ подсудимыхъ отправлены были на костеръ. При этомъ свидѣтельскія показанія отнюдь не отличались какой-нибудь особой убѣдительностью. «Старуха така-то замѣчала въ томъ, что подбирала конскій пометъ—навѣрное, чтобы околдовать хозяина этого коня». «Старуху такую-то сосѣди видѣли во время сильной грозы стоявшей у себя на дворѣ» и т. д., и т. д. Однако если раньше судъ въ подобныхъ случаяхъ былъ еще способенъ колебаться, то теперь за всѣми этими показаніями признавалась полная убѣдительность. Надо замѣтить, что ради осторожности герцогъ пересылалъ всѣ акты на разсмотрѣніе ингольштадтскаго юридическаго факультета, и тотъ пащель, что дѣло по всѣмъ пунктамъ было проведено совершенно правильно.

Чтобы дать почувствовать, какая атмосфера водворялась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ шелъ подобный сыскъ о вѣдмахъ, я приведу еще одинъ отрывокъ изъ подлинныхъ слѣдственныхъ актовъ. Баварское мѣстечко Вемдингъ въ началѣ XVII столѣтія оказалось очень неблагополучно въ отношеніи вѣдовства. Въ 1609 году стараніями юстиціи оно разъ было уже очищено отъ вѣдмъ и вѣдунъ; но къ 1630 году обыватели снова не знали, куда отъ нихъ дѣваться. Тогда высшія власти отправили въ Вемдингъ особаго комиссара, чтобы произвести на этотъ счетъ подробное дознаніе. Комиссаръ Шмидъ привелъ къ присягѣ и допросилъ по этому поводу цѣлыхъ семьдесятъ пять свидѣтелей, и у всѣхъ почти нашлось, что ему поразсказать. Такого-то сосѣда обыватели заподозрѣвали въ сношеніяхъ съ нечистымъ потому, что у него «ужъ очень подходящій для этого цвѣтъ лица»; другого потому, что онъ все ходитъ скучный; третьяго потому, что у него въ домѣ постоянно случаются несчастія и дѣти хвораютъ какими-то странными болѣзнями; четвертаго, напротивъ, потому, что все ему уже

черезчуръ удасться, и онъ богатѣеть, тогда какъ другіе люди такъ же работаютъ, а ничего пажить не могутъ. Въ одной женщинѣ отмѣчали, какъ очень подозрительную вещь, что прежде она была веселаго нрава, а послѣ казни одной ея пріятельницы, сожженной за вѣдовство, она сразу совсѣмъ притихла; въ другой — что она приходитъ въ ужасъ, когда ребята на улицѣ показываютъ на нее пальцами. Одинъ вводилъ своихъ сосѣдей въ соблазнъ тѣмъ, что никогда въ жизни не посылъ четоку; другой, напротивъ, казался подозрительнымъ, несмотря на то, что онъ очень прилежно посѣщалъ церковь: «кабы въ церкви было дѣло! въ церковь-то ходить всѣ вѣдмы». Про одного сосѣда слѣдователи передавали, какъ онъ равъ оттрепалъ мальчишку, и тотъ сейчасъ же пачалъ тяжело хворать. Про одну сосѣдку рассказывали, что она отъ четырехъ дрянныхъ коровенокъ ухитряется дѣлать необыкновенные скопы масла, какихъ спроста не сдѣлаешь ни подъ какимъ видомъ. И всѣ подобныя деревенскія рассказы слѣдователи заносили въ свои протоколы съ примѣрной тщательностью и съ полнымъ убѣжденіемъ въ важности собираемаго такимъ путемъ судебного матеріала. И населеніе, откуда шли такіе оговоры, тоже не сомнѣвалось, что съ слѣдственными разспросами по этимъ дѣламъ отнюдь нельзя шутить. Усердно занимаясь доносами на сосѣдей, оно все поголовно жило въ такое время подъ гнетомъ страха, который живо изображается намъ въ одномъ современномъ гоненіи на вѣдмъ «листокъ». «Во многихъ мѣстахъ дѣло дошло до того, что богобоязненные хрістіане перестаютъ ходить на богослуженіе, причутъ свои четки и всячески остерегаются проявлять свое благочестіе, чтобы не показаться набожнѣе другихъ, ибо кто этого не остерегается, на того взводится обвиненіе въ вѣдовствѣ. Дьяволъ, такъ говорятъ невѣжественная, грубая толпа, учитъ своихъ подручныхъ и пріятельницъ, чтобы они казались благочестивыми, припимали причастіе, а потомъ прятали гостію за пазуху и всячески ее оскверняли. Онъ будто бы ихъ учитъ, чтобы они ходили въ церковь, но за обѣдней и за проповѣдью говорили про себя: пошъ, ты лжешь; все, что ты дѣлаешь и говоришь, все ложь, ибо нѣтъ бога, кромѣ моего бога сатаны. И въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами священники не смѣютъ совершать таинство Пресуществленія каждый день. Если же они это и дѣлаютъ, то потихоньку, такъ какъ иначе ихъ тоже легко заподозрѣваютъ въ вѣдовствѣ. Нѣтъ бреда злѣе и нѣтъ бреда распространеннѣе и позорнѣе, чѣмъ этотъ бредъ вѣдмами, чѣмъ этотъ страхъ и трепетъ передъ ними».

Итакъ, коротко говоря, если въ періоды затишья такого бреда судъ не оказывался совсѣмъ глухъ къ голосу здраваго смысла, то

разъ страхъ передъ вѣдьмами почему бы то ни было разгорался, въ тюрьму по обвиненію въ вѣдовствѣ могло привести человека рѣшительно все. Въ такую пору надобно было стараться объ одномъ—чтобы ничѣмъ не привлекать на себя вниманія сосѣдей: иначе ничего не стоило быть взятымъ на допросъ. Причины же паническаго страха при мысли о такой возможности станутъ намъ ясны, когда мы познакомимся съ тѣмъ, въ чемъ заключалась сущность обвиненія въ вѣдовствѣ; и въ какихъ формахъ шелъ «вѣдовской процессъ».

Чтобы получить отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ, довольно взять въ руки любое изъ тѣхъ официальныхъ «Наставленій къ допросу вѣдьмъ», которыми заботливо были снабжены въ XVI и XVII вѣкахъ суды различныхъ германскихъ государствъ. Одно изъ нихъ, входящее въ составъ Баденскаго «Земскаго Уложепія» 1588 года, я здѣсь и приведу въ довольно подробныхъ выдержкахъ.

Приступая къ допросу подсудимой, судья, согласно Наставленію, долженъ былъ прежде всего освѣдомиться, не доводилось ли ей слышать про вѣдьмъ и ихъ «искусство», и если доводилось, то не разузнавала ли она изъ женскаго любопытства о томъ, какъ собственно вѣдьмы умудряются производить свои чарованья.

«Когда подсудимая въ этомъ сознается,—продолжаетъ Наставленіе,—то надобно далѣе предлагать ей слѣдующіе вопросы»:

„Не дѣлала ли и она сама какихъ-нибудь такихъ штукъ, хотя бы самыхъ пустячныхъ—не вынимала ли, на примѣръ, молока у коровъ, не папускала ли гусеницы или тумана и т. п.? Также, у кого и при какихъ обстоятельствахъ удалось ей этому выучиться? Съ какого времени и какъ долго она этимъ занимается и къ какимъ прибѣгаетъ средствамъ? Какъ обстоитъ дѣло насчетъ союза съ нечистымъ? Было ли тутъ простое общаніе, или оно скрѣплено было клятвой? И какъ эта клятва звучала?“

„Отрекалась ли она отъ Бога и въ какихъ словахъ? Въ чемъ присутствіи, съ какими церемоніями, на какомъ мѣстѣ, въ какое время и съ подписью или безъ оной? Получила ли отъ нея нечистый письменное обязательство? Писано оно было кровью—и какой кровью—или чернилами? Когда опъ къ ней явился? Пожелалъ ли онъ брака съ ней или простого распутства? Какъ онъ звался? Какъ онъ былъ одѣтъ, и особенно какія у него были ноги? Не замѣтила ли она и не знаетъ ли въ немъ какихъ-нибудь особыхъ чертовскихъ примѣтъ?“

Далѣе слѣдуетъ рядъ детальныхъ циническихъ разспросовъ о томъ, какъ бѣсъ и подсудимая вели себя на брачномъ ложѣ, послѣ чего Наставленіе продолжаетъ:

„Вредила ли она въ силу своей клятвы людямъ и кому именно? Ядомъ? Прикосновеніемъ, заклятіями, мазіями? Сколько она до смерти извела мужчинъ? Женщинъ? дѣтей? Сколько она лишь испортила? Сколько беременныхъ жещицъ? Сколько скотины? Сколько она папустила тумановъ и подобныхъ вещей? Какъ собственно она это производила и что для этого пускала въ ходъ?“

„Умѣетъ ли она также летать по воздуху и на чемъ она летала? Какъ она это устраиваетъ? Какъ часто она летаетъ? Куда случалось ей летать въ разное

время? Кто из других людей, которые находятся еще в живых, бывал на ихних сборищах?

„Умѣетъ ли она также скидываться какимъ-нибудь животнымъ и съ помощью какихъ средствъ?

„Данно ли праздновала она свадьбу съ своимъ любовникомъ? Какъ свадьба эта была устроена, кто на ней былъ и что тамъ показались за кушанья? Особо, какия были мясныя блюда, откуда было взято мѣсо, кто его принесъ, какой у него былъ видъ и вкусъ, было оно кисло или сладко? Также, было ли у нея на свадьбѣ и вино, и откуда она его добыла? Были ли и музыканты? И кто онѣ были—человѣкъ или бѣсъ? Каковъ былъ онѣ изъ себя? Сидѣлъ онѣ на землѣ, или на деревѣ, или стоялъ? Также, какіе на поминутномъ соборчѣи были ихъ замыслы и когда у нихъ рѣшено было собраться снова? Гдѣ и очной порой учинили свои пирушки—въ полѣ, въ лѣсу или въ погребѣхъ, и гдѣ на нихъ бывалъ?

„Сколько малыхъ дѣтей съѣдено при ея участіи? Гдѣ они были добыты. Также, у кого были они взяты? Или они были вырыты на кладбищѣ? Какъ онѣ ихъ готовили—жарили или варили? Также, на что пошла головка, ножки и ручки? Добывали ли онѣ изъ такихъ дѣтей тожѣ и сало, и на что оно имъ? Не требуется ли дѣтское сало, чтобы поднимать бури? Сколько родильницъ помогла она извести? Какъ это дѣлалось, и кто еще былъ при этомъ? Или не помогала ли она выкапывать родильницъ на кладбищѣ, и на что имъ это надобно? Также, кто въ этомъ участвовалъ и долго ли онѣ это варили? Не выкапывали ли онѣ также выкидышей и что онѣ съ ними дѣлали?

„Насчетъ мази. Разъ она летала, то съ помощью чего? Какъ мазь эта готовится и какого она цвѣта? Также, умѣетъ ли она сама ее приготовить? Далѣе, всякій разъ, какъ имъ понадобится человѣческое сало, онѣ необходимо совершаютъ столько же убійствъ; и такъ какъ онѣ вытапливаютъ или вывариваютъ сало, то ихъ надобно спрашивать: что онѣ сдѣлали съ варенымъ или жаренымъ человѣческимъ мясомъ? Для мазей имъ всегда необходимо человѣческое сало изъ мертвыхъ или изъ живыхъ людей. Туда идетъ еще человѣческая кровь, изъ портниковое сѣмь и т. п., но сало непременно туда входитъ, тогда какъ другія вещи иногда и опускаются. При этомъ отъ мертвыхъ людей оно идетъ для приписанія смерти людямъ и скотинѣ, а отъ живыхъ для полетовъ, для бурь, для того, чтобы дѣлаться пavidимкой и т. п.

„Сколько съ ея участіемъ пауциено было бурь, морозовъ, тумановъ? Сколько времени это продолжалось, и какой былъ въ каждомъ случаѣ вредъ? И какъ это дѣлается, и кто въ этомъ участвовалъ? Былъ ли ея любовникъ при ней на допросѣ или не приходилъ ли къ ней въ тюрьму?

„Доставала ли она также освященный гостіи и у кого? Что она съ ними дѣлала? Являлась ли она также къ Причастію и потребляла ли его какъ слѣдуетъ?

„Какъ онѣ добываютъ уроковъ, которыхъ подкидываютъ въ колыбели вѣсто пастоящихъ младенцевъ, и кто имъ даетъ ихъ? Также, какъ она вынимала у коровъ молоко и превращала въ кровь? И какъ имъ можно отъ этого опять помочь? Можетъ ли она также пустить вино или молоко изъ ивы?

„Также какъ она дѣлала мужчинъ неспособными къ брачному сожитію? Какими средствами? И чѣмъ имъ можно опять помочь? Точно такъ же, какъ она молодыхъ и старыхъ людей лишала потомства, и какъ имъ можно опять помочь?...“

Итакъ, западно-европейская вѣдьма XV—XVII вѣковъ, образъ которой встаетъ здѣсь передъ нами во всѣхъ своихъ омерзительныхъ подробностяхъ, это не простая колдунья, какихъ знавали всѣ времена и всѣ народы. Родъ чародѣевъ и чародѣекъ, говорить по этому поводу одинъ изъ ученѣйшихъ современниковъ процессовъ вѣдьмъ, аббатъ Тритемій, дѣлится на четыре главныхъ вида. Одни въ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ пользуются таинственными естественными средствами, какъ яды и т. п.; другіе знаютъ магическія слова, заклятія и знаки; третьи, какъ люди, занимающіеся некро-